

Кази-Бек Ахметуков Юрий

Повести сердца
Очерки и рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А95

А95 **Ахметуков Юрий К.**
Повести сердца: Очерки и рассказы / Кази-Бек Ахметуков Юрий – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 350 с.

ISBN 978-5-519-87699-5

ISBN 978-5-519-87699-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ГОРЕ БЕЗЫСХОДНОЕ.

РАЗСКАЗЪ.

ГОРЕ БЕЗЫСХОДНОЕ.

По возвращеніи Ѳедора со службы, черезъ годъ вернулся и его младшій братъ Степанъ. Отецъ ихъ Кузьма Парамонычъ, помощникъ атамана Джигитовской станицы, особенно любилъ средняго сына Ѳедора. Старшій Алексѣй уже былъ женатъ и больше не заботилъ его. Когда вернулся младшій сынъ онъ вздохнулъ полной грудью.

— Ну, теперича,—сказалъ онъ,—слава Богу, отслужили Царю—батюшкѣ и долгъ свой заплатили. Эфтать долгъ, братцы мои, самый што ни на есть первѣющій, потому безъ казаковъ царю никакъ невозможно! Такъ-то.

Сыновья молча слушали своего удалаго отца, грудь котораго украшали три креста Св. Георгія Побѣдоносца и краснорѣчиво указывали, что Кузьма Парамонычъ на войнѣ не дремалъ. Они любили его еще потому, что онъ не былъ, какъ большинство казачьихъ отцовъ, суровъ и неприступенъ—напротивъ, Кузьма Парамонычъ по возвращеніи сыновей со службы обращался съ ними по товарищески.

— Ты это што-же, Степанъ Кузьмичъ,—обращается онъ къ младшему сыну,—урядника не схватилъ—а?

Скромный Степанъ конфузился. Ему дѣйствительно было досадно, что онъ не дослужился до урядника, а пріѣхалъ домой приказнымъ.

— Да што-же съ эфтаго!—выручалъ брата Алексѣй,—я вотъ какъ не старался, а поди-же ничего не вышло.

— Ну, ты што, тебѣ, стало быть, все единственно, потому ты казакъ хозяйственный и все къ дому наровишь, а вотъ Степанъ—то, братъ, совсѣмъ другая мадель!

Такіе разговоры Кузьма Парамонычъ любилъ и часто бесѣдовалъ съ сыновьями. Домъ ихъ по прежнему крѣпко держался. Всѣмъ хозяйствомъ заправляла жена Алексѣя, добрая и работающая казачка.

Выдавъ двухъ дочерей замужъ, Кузьма Парамонычъ нѣтъ, нѣтъ да и съѣздитъ къ младшей въ сосѣдную станицу, а къ старшей, женѣ атамана и своего въ нѣкотороихъ родѣ начальника, онъ ходилъ почти ежедневно. Любилъ онъ всѣхъ одинакого, хотя и чувствовалъ нѣкоторую слабость къ Ѳедору, можетъ быть потому, что лицомъ и голосомъ онъ напоминалъ ему горячо любимую жену, умершую уже давно. Часто старикъ вспоминалъ ее и на его добрыхъ глазахъ показывались слезы. „Не дождалась сердечная!“ думалъ онъ скорбно. „Не дождалась посмотрѣть на своихъ орловъ, на счастье—дѣточекъ. Эхъ, ма, жистъ наша!“ И онъ шелъ развлекаться къ старшей дочери.

Дарья Кузьминична жила счастливо, хотя мужъ былъ болѣе чѣмъ вдвое старше ее. Это обстоятельство однако не мѣшало ей любить его попрежнему. Почти всегда ее можно было застать за работою. У Потапа Гаврилыча хозяйство было большое и требовало ухода.

На этотъ разъ Кузьма Парамонычъ засталъ дочь въ обществѣ Настасьи Гавриловны сестры зятя.

— А, Кузьма Парамонычъ!—вскричала она, поднимаясь къ нему на встрѣчу, послѣ того какъ дочь почтительно поцѣловала ему руки.—Давненько я видывала васъ!

— Здравствуйте, Настасья Гавриловна, все ли въ добромъ здравіи?

— Слава Богу, спасибо! живемъ по маленьку.

— Што лучшаго!

Онъ усѣлся неподалеку отъ нея.

— А гдѣ-же мужъ? Да ты, Дашенька, не хлопочи, вотъ чайку попью и ладно.

— Я ничего, только варенья достану, недавно сварила.

— Ну какъ дѣла Ильи Ѳедулыча? хлопочетъ не бойсь.

— Что-же дѣлать, Кузьма Парамонычъ! Давеча въ городъ вызывали къ начальству.

— Што такъ?—встрепенулъ онъ.

— Не знаю, сказывалъ, что вторую льготу собирать придется.

— Неужто?

— Право.

Кузьма Парамонычъ задумался.

— Экое дѣло! Да не война-ли чего добраго—а?

— Нѣтъ, по газетамъ не видно. Надо полагать просто такъ, чтобы на всякій случай.

— А и то, правда! Кажись грецкая война кончилась?

— Кончилась, Кузьма Парамонычъ, турки побѣдили.

— Ишь ты!—улыбнулся герой.—Побѣдили—говорите, ловко! Поди-же турка, а маху не далъ. Вотъ уже надо будетъ у нашего Ивана Ѳомича поспрашать, онъ на эфтомъ дѣлѣ, одно слово, дока.

— Ты что-же это, Дарьюшка, не присядешь? чай не чужіе.

— Да я сестрица ничего, никакъ не найду вишневаго банку, тятенька, очень любятъ. Чай теперича его дома не балуютъ!

— Ну, нѣтъ! у меня Ѳеклуша бабочка ловкачка, на всѣ руки.

Наконецъ хозяйка достала варенье и поставила на столъ.

— Ивановна!—крикнула она.—Достань-ка чистыхъ тарелочекъ, онѣ тамъ въ шкафѣ.

Пожилая женщина, спустя минуту, внесла хрустальныя блюда для варенья, при чемъ степенно поклонилась старику.

— Ну што, Ивановна, живешь?

— Живу, батюшка, што-же мнѣ дѣлается, слава тебѣ Господи!—И она истово перекрестилась.

— И то хорошо!

Кузьма Парамонычъ чувствовалъ себѣ хорошо и не зналъ чѣмъ выразить свое настроеніе.

— Ахъ, да! ишь отшибать стало,—вспомнилъ онъ,—старость подходитъ, ничего не подѣлаешь.....

— А што, тятенька?

— Да вотъ хотѣлъ потолковать съ тобою насчетъ Ѳедюши, вотъ кстати и Настасья Гавриловна умомъ раскинетъ, она дока насчетъ эфтаго! Да и што толковать—вы-то вдвоемъ что хошь оборудуете.

И дочь и гостья весело засмѣялись. Старикъ напомнилъ имъ эпизодъ съ женитьбою племянника Настасьи Гавриловны.

— Што-же,—сказала хозяйка,—слава тебѣ Господи живутъ хорошо. Потапъ вотъ досели еще благодарить меня, а женошку свою прямо обожаетъ

— Сына женить хотите?—спросила сестра атамана.

— Да, пора; што ему холостому жить. Слава Господи есть гдѣ невѣстушку принять, домъ чай не маленькій—жили и побольше. Вотъ двухъ дочекъ отдалъ, надо бы хошь чужихъ!

— Може у Ѳедюши уже есть на примѣтъ? Ты поспрошай.

— Ну, куды мнѣ! Нѣтъ, эфго ужъ не казацкое дѣло. Не

даромъ у него сестра есть.

— А и то правда,—согласилась дочь,—надо похлопотать.

— А ты, Дарьюшкѣ, спервоначалу узнай, есть-ли у него предметъ-то, а ежели нѣтъ,—мы съ тобою живо найдемъ ему кралю.

— Ну вотъ и ладно!—обрадовался старикъ.—И мнѣ легче, потому куды-же мнѣ утоняться за эфтакимъ дѣломъ.

Кузьма Парамонычъ ушелъ вполне успокоенный. Онъ былъ увѣренъ, что дочка „оборудуетъ дѣло“. Онъ направился въ станичное правленіе узнать насчетъ второй льготы. Это была новость серьезная. На второй льготѣ были всѣ три его сына. По дорогѣ въ правленіе онъ встрѣтилъ младшаго.

— Ты куды?

— Къ Николаю, батюшка.

— А—ну, ну.—И онъ направился дальше.

„Ишь ты—къ Николаю!“—разсуждалъ онъ про себя „Такъ, а у Николая, стало быть, сестра невѣста, вотъ оно куды загнулъ. Ладно!“

Старикъ не ошибался. Между молодыми людьми было нѣчто похоже на любовь, хотя Варвара и къ Ѳедору относилась любезно. Ѳедоръ въ свою очередь поглядывалъ на дѣвушку не совсѣмъ равнодушно. „Дѣвица хорошая,“ думалъ молодой урядникъ, „отчего и не такъ.“ Какъ-то всегда случалось, что въ то время, когда Степанъ ходилъ съ дѣвками и парнями, не было Ѳедора—и наоборотъ. Но всегда и тотъ и другой выбиралъ Варвару.

Однажды не задолго до посѣщенія отцомъ своего зятя, Ѳедоръ былъ сконфуженъ смѣхомъ нѣсколькихъ дѣвокъ.

— Штой-то,—сказала одна изъ нихъ,—два парня за одной дѣвкой увиваются! А Варинька-то знай помалкиваетъ. Али двухъ мужьевъ захотѣла!

Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ на эти слова.

— Вотъ оно что!—подумалъ Ѳедоръ,—значить и братъ твоо....

Сердце его больно заняло и тутъ только онъ почувствовалъ, что любить дѣвушку сильнѣе, чѣмъ воображалъ. Онъ рано оставилъ компанію и печальный вернулся домой.

— А можетъ братъ и не любить ее?—утѣшался казакъ, но сейчасъ-же отбрасывалъ это предположеніе, какъ невѣрное.—Если-бы братъ не любилъ ее, то не хороводился-бы съ нею, да и дѣвки не смѣялись-бы.

Все таки онъ рѣшилъ провѣрить это обстоятельство и поговорить лично съ Варварой. Раньше всего онъ прекратилъ ходить съ парнями, во первыхъ потому, что ему какъ уряднику было это нѣсколько неудобно, а во вторыхъ, что самое главное, онъ не хотѣлъ мѣшать брату. Доброе сердце его не озлобилось, а напротивъ опечалилось. Братъ Степанъ былъ робокъ передъ отцомъ, но на самомомъ дѣлѣ отличался лихостью, благодаря которой и не могъ дослужиться до урядника. За какую то провинность въ сотнѣ его лишили этого чина. Ѳедоръ это зналъ, но не хотѣлъ огорчать отца. „Пущай,“ думалъ онъ, „зачѣмъ тревожить!“

Между тѣмъ сердце его ныло и онъ не находилъ себѣ мѣста. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что братъ сталъ чуждаться его и замѣтно похудѣлъ. Собственно имъ обоимъ хотѣлось высказаться, но что-то удерживало ихъ. Это „что-то“ было не больше не меньше, какъ стыдъ, что они казаки раскисли какъ бабы.

Спустя дня два послѣ бесѣды Кузьмы Парамоныча съ дочерью, Ѳедоръ отправился къ сестрѣ. Ей онъ рѣшился открыть свою тайну. Къ сожалѣнію атаманъ былъ дома.

— А, вотъ хорошо, што самъ пришелъ, — привѣтствовалъ его Потапъ Гаврилычъ, — а мы тебя, братъ, выбрали безъ твоего, стало быть, согласія.

— Это куда-же? спросилъ онъ, усаживаясь.

— Нешто не знаешь? Ты, братъ, казакъ добрый, грамотѣй, ну потрафили на тебя — выборнымъ сдѣлали.

Лицо урядника освѣтилось улыбкою. Ему было пріятно.

— Оно впрочемъ, — продолжалъ зять, — самъ батька выбиралъ, ну а Кузьма Парамонычъ казакъ справедливый, напрасно, стало быть, не сдѣлаетъ.

— Что-же я согласенъ, Потапъ Гаврилычъ, послужу станичникомъ, авось потрафлю!

— Ну, конечно, отчего не потрафить! Дѣло не трудно.

Сестра радовалась за брата.

— Ну вотъ, Ѳедюша, теперь тебѣ въ самый разъ жениться.

— А то какже, въ самый разъ! — поддакнулъ атаманъ женѣ. — Вотъ Дарьюшка тебѣ и невѣсту сыщеть.

— Постараемся; отчего не сыскать чай невѣсты не перевелись.

Казакъ, нѣсколько смущенный, постарался замять разговоръ. Онъ сталъ спрашивать атамана по поводу второй льготы.

— Пустяки! махнулъ рукой зять,—зря болтають. Просто, стало быть, провѣрку сдѣлать—сколько на лицо.

Поговоривъ еще кое о чемъ, Ѳеодоръ ушелъ. Такъ ему и не удалось на этотъ разъ побесѣдовать съ сестрою наединѣ.

Бесѣда эта не состоялась и потомъ, потому что Дарья Кузьминична, къ великой радости атамана, родила ему наследника. Никогда еще станица не видала въ такомъ состояніи Потапа Гаврилыча. Гдѣ-бы и кого-бы онъ не встрѣтилъ—сейчасъ-же объявлялъ ему о своемъ счастьѣ.

— Ужо заходи на крестины,—приглашалъ онъ почти каждого.

Если-бы на самомъ дѣлѣ пришли всѣ, кого звалъ атаманъ, то для угощенія не хватило-бы не только посуды, но даже и заготовленныхъ припасовъ.

А въ то время, когда счастливый отецъ ликовалъ, Ѳеодоръ сидѣлъ на завалинкѣ своей хаты и горько размышлялъ о своей судьбѣ. Былъ уже вечеръ. Іюль приходилъ къ концу. Мимо него гурьбою пробѣжали дѣвки, громко чему-то смѣясь; прошли нѣсколько казаковъ, бесѣдуя о томъ, что ежели косу наточить съ правой стороны, то она „стало быть, куда какъ вострѣе;“ прошли двѣ старушки, охая и посылая благодарность бабкѣ Кириловнѣ. Наконецъ все смолкло.

По случаю разрѣшенія отъ бремени всѣ домашніе ушли къ больной атаманышѣ. Ѳеодоръ уныло поглядывалъ на улицу и не зналъ что придумать. Онъ любилъ первый разъ и это чувство доставляло ему неиспытанное страданіе. Жалко было ему и брата. „А кто ее знаетъ, кого она любить“, думалъ онъ, „можетъ кого другого, а мы, какъ дураки, увиваемся. Но нѣтъ, Варвара не стала-бы хороводиться съ тѣмъ, кого не любить“. Въ концѣ концовъ онъ совершенно терялся и не находилъ выхода. Онъ невольно вздрогнулъ, когда къ нему подошелъ братъ.

— Али нашихъ нѣтъ?—спросилъ онъ, присаживаясь.

— Да какъ-же, вѣдь Дарьюшка родила!

— Ой-ли?—обрадовался Степанъ.—То-то говорили на улицѣ, а я, признаться, и не пришлушался.

— Гдѣ-же ты былъ?

Степанъ отвѣтилъ не сразу.

— Съ Николаемъ на завалинкѣ сидѣлъ,—сказалъ онъ съ трудомъ.

Сердце сильно забилося у Оедора. Наступило непродолжительное молчаніе. Нѣсколько разъ онъ порывался сказать что-то, но не хватило смѣлости; самъ братъ облегчилъ ему задачу.

— Послухай, Оедюша,—началь робко Степанъ,—вотъ никакъ съ недѣлю все хочу покалякать съ тобой, да все.....— Онъ остановился.

— Говори, что-же ты? аль мнѣ не довѣряешь?

— Што-ты! ежели не тебѣ, такъ кому-же; отцу говорить не охота, а Алешкѣ безъ дѣла; нѣтъ, Оедюша, вотъ оно какое дѣло. Мнѣ, по совѣсти сказать, стыдно, потому ты старше, да что подѣлаешь.

Какъ небыло скверно уряднику, онъ улыбнулся, слушая запутанную рѣчь брата. Онъ хорошо понималъ, что о такихъ вещахъ не всякій будетъ говорить спокойно; его и такъ удивляла рѣшимость брата.

— Полно, Степа,—сказаль онъ ласково,—говори, что-же ты тѣнь наводишь, ни съ сотникомъ чай разговариваешь, а съ братомъ роднымъ.

— Эхъ Оедюша! коли-бы зналъ ты какъ сердце болитъ, право хошь ложись да умирай.

— Да объ чемъ же ты!

— Я на счетъ, стало быть, Николая, вотъ давича ходилъ къ нему, такъ мы толковали.....

— Чай о Варварѣ!

— А ты почему знаешь?—вскочилъ казакъ.—Развѣ сказываль тебѣ кто?

Оедоръ молчалъ; сердце его сжалось тоскою. Неужели онъ пойдетъ противъ брата? Всегда, съ поконъ вѣковъ, въ ихъ семействѣ царило согласіе и покой, а тутъ изъ за дѣвки..... Онъ тряхнулъ головой и нѣсколько дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Знаю, Степа, давно знаю. Только не думаль я, что и она любить.

Казакъ пересѣлъ ближе къ брату.

— Оедюша, дорогой братецъ, пособи!

Никогда еще урядникъ не слыхаль такихъ словъ изъ устъ брата.

— Безъ тебя,—говорилъ онъ,—далеко не пойдешь. Ты старше; ежели хочешь я подожду, выбирай себѣ невѣсту, а потомъ и я.....

— Нѣтъ, зачѣмъ..... твое дѣло правое..... Ждать, говоришь.....

Федоръ не могъ продолжать, въ горлѣ у него что-то схватило и онъ только махнулъ рукой.

— А какже теперь, батька, безпримѣнно станеть супротивъ. Ты, скажеть, молокососъ, дай брату пожениться. Аль неправда?

— Ну, вотъ!—проговоривъ глухо урядникъ.—Батька противъ рожна не пойдетъ, чай и ты ему сынъ! Что-же меня-то дожидаться, можетъ я и вовсе не женюсь.

Задумался въ свою очередь и Степанъ. Смутное подозрѣнiе закралось въ его душу. „А што какъ и Федя тово?“—мелькнула у него мысль, но онъ тотчасъ-же отбросилъ ее, „Нѣтъ, мало-ли дѣвокъ!“

— А ты съ нею говорилъ, съ Варварою?—перебилъ его размышленiя урядникъ.

— Да вотъ часа два назадъ.

— Что-же она, призналась?—живо спросилъ онъ.

— Признаться не призналась, иначе не отказала. Мало-ли, гритъ, дѣвокъ безъ меня! Ну да это въ шутку, стало быть, любить она и говорить нечего.

На минуту въ сердцѣ Федора мелькнулъ лучъ надежды—а вдругъ она его любитъ? Но братъ сейчасъ-же разбилъ его сомнѣнiе.

— Не любила такъ не давалась-бы, а я ее давеча облапилъ и въ самыя, значить, сахарныя уста чмокнулъ.... Ничего, только вырвалась.

Не было сомнѣнiя, что дѣвка любила его.

— Ну, ежели такъ—не зѣвай, чево тамъ, засылай послѣ работъ сватовъ....

Счастливый казакъ хотѣлъ отвѣчать, но къ нимъ подходили отецъ и братъ съ женою.

— Што-жъ огня нѣтъ въ хатѣ?—спросилъ Кузьма Парамонычъ, и не ожидая отвѣта вошелъ въ комнату.

Пропустивъ отца и жену старшiй братъ Алексѣй остановился.

— Вы чаво къ сестрѣ не сходили?—спросилъ онъ внушительно.

— Да у насъ, Алеша, свое горе,—отвѣчалъ Федоръ.

Почти вслѣдъ за его словами Степанъ юркнулъ въ калитку. Алексѣй присѣлъ.